

Возможности человеческой противоречивости

Независимая - 2009
- 16 янв. - с. 13, 14

Виктор Ерофеев об итогах ушедшего года

Сергей Шаповал

Наступление нового года – всегда стимул для разговоров об итогах года минувшего: личных, общественных, культурных и далее по интересам. Своими размышлениями по этому поводу мы попросили поделиться известного писателя Виктора Ерофеева.

– Виктор Владимирович, каким ушедший год был для вас лично?

– Хорошим. Я написал новый роман, сейчас занимаюсь его редактированием. Он посвящен моему детству, его можно считать современным вариантом «Отцов и детей». Появление большого текста – всегда специальное событие. Мне очень нравится, когда черед человеческих отношений заменяется чередой глав, параграфов и слов. В словах жить лучше, чем в человеческих отношениях.

– А если расширить контекст до масштабов страны?

– Мне кажется, что произошел довольно серьезный поворот. Дума превратилась в декоративный орган. Общество оказалось настолько не подготовленным к идее распределения власти, что власть сама перераспределлась. Но нет худа без добра, в результате выиграет русская культура: нашими депутатами станут Достоевский, Толстой, Набоков и Чехов, произойдет возвращение к традиционным оппозиционным интеллигентским ценностям. Интеллигенция станет гласом и классом совести и творческой инициативы.

– Но ведь это означает, что произойдет цивилизационный откат.

– Конечно. Нас уже и так обскакали, а мы все сидим в своем окопе и думаем, что сможем отстреляться. Приезжая в любую страну, заходишь в большой магазин и видишь: из России нет ни одного товара, все завалено китайской продукцией. Одним из сильных впечатлений прошлого года для меня стало посещение Шанхая: там за десять лет выросли тысячи небоскребов. Манхэттен сейчас кажется довольно скромной штучкой. По сравнению с Шанхаем и в Москве ничего особенного не произошло: в центре появилось освещение, а улицы как следует почистить не могут.

У России невероятно широко открытое будущее, его невозможно предсказать – слишком много неизвестных величин. Она может достаточно быстро стать процветающей страной, а может вообще ис-

Виктор Ерофеев между прошлым и будущим.

Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

женщиной и хамство. Сохранилась любовь к всплескам разнузданного хамства, как всегда на Руси любили всплеск пьяного куража, когда героем становился тот, кто больше других отличался в пьянке и всяких гадостях. Эту архаичность не учли в начале 90-х, по-

обоснования. В Мексике она опирается на католицизм, в Африке ее скрепляют традиционные ценности, в России нравственный стержень был уничтожен коммунизмом, а потом был разрушен и коммунизм. Получается вакуум в квадрате.

да, поэтому он перестал думать – не может же думать тело, которого нет. То население, которое в других странах создает элементы гражданского общества, не состоялось и, кажется, не состоится. Выходит, что Россия думает ничем. Это экзистенциальная, а не постмодернистская проблема. Сейчас необходима концентрация интеллектуального потенциала, сравнимая с концентрацией танков на Курской дуге. Такой потенциал есть, но он так разбросан, что не способен работать на страну.

– Одним из важнейших литературных событий года было участие России во Франкфуртской книжной ярмарке в качестве специального гостя. Отклики на это событие были в подавляющем большинстве ироничными. Как вы его оцениваете?

– Я считаю, что ярмарка прошла хорошо. Кроме прочего, там важен был выход на международные цифры. Цивилизованная страна понимает, что

писателей не может быть много, только у нас в России случались периоды, демонстрирующие разлитое море писателей. Например, Серебряный век. По-моему, это явление еще не осмыслено до конца в глобальном историческом масштабе. Зададимся вопросом: сколько сейчас писателей в Германии, в Италии, в Америке? Что называется, «кот наплакал». Цифра «кот наплакал» в России удвоена или даже утроена. На международном рынке существует примерно пятнадцать нормальных русских писателей, которых читают. Позором провинциализма является ожидание того, что по приезду во Франкфурт вокруг русских должна начаться всеобщая кадрили. Русские показали свою провинциальность и в прошлом году, но ведь их туда приглашали не на светский раут, а показать свои творческие возможности. Россию представляли люди, составившие костяк нашей литературы: Аксенов, Вознесенский, Войнович, Евту-

шенко. Как к ним ни относиться, это та база, которой оперирует мировое литературное мнение. С другой стороны, там хорошо известно, что в России есть Сорокин, Пелевин, Акунин, Улицкая и т.д. Даже сейчас у нас есть возможность перечислять писателей, в то время как, скажем, в Германии спотыкаешься буквально после одной-двух фамилий. Известные немецкие журналисты, издатели, организаторы говорили мне, что последняя ярмарка была одной из самых ярких за всю ее историю. В день закрытия директор ярмарки пригласил меня выступить перед внутренним кругом людей, устраивающих ярмарку каждый год. Мне сказали, что они впервые приглашают к себе кого бы то ни было, это собрание для узкого круга, на котором они пьют пиво, вино и разговаривают. И уж совсем неслыханно, что я там перед ними выступил. Это произошло не потому, что там был я, а потому, что им интересна наша литература. Очень хороший показатель.

– Но очевидцы рассказывали, что российский павильон, в отличие от французского или немецкого, отнюдь не кишел людьми, желающими заключить договоры с нашими издательствами. Это означает, что Россия так и не может выйти на мировой книжный рынок.

– И еще долго не сможет. Есть какое-то количество писателей, которых переводят и издают на Западе, но все это происходит на индивидуальном уровне. Причем оказывается совершенно неважно, что ты живешь в Москве, поскольку приходится пользоваться услугами международных агентов. У меня, например, главный агент – американец. У нас не к кому обратиться, этим делом не хотят заниматься, да и правовой основы нет. Я, например, готов платить налог в 25 процентов в Германии, несмотря на то что у нас он составляет 13 процентов. Там всё считают и автоматически отчисляют нужную сумму. Здесь я должен куда-то ехать, разговаривать с милыми, но ничего не понимающими женщинами. Как-то я пытался заплатить налоги с гонораров за статьи в газетах «Франкфуртер альгемайне» и «Республика». Мне говорят, что я должен привезти справки из бухгалтерий этих газет (то есть из Франкфурта и Рима), да еще эти справки должны быть составлены специальным образом. Ну что тут можно сказать!

– О восприятии ваших текстов на Западе и в России. Где на сегодняшний день оно наиболее адекватно, с вашей точки зрения?

– Вы знаете, я рад, что планка моих текстов такова, что редкий читатель долетит до середины. Я не хочу специально сужать или расширять круг читателей, потому что я не пишу для них. В России сломан старый механизм восприятия книг, а новый не создан. У меня есть возможность сравнивать. Например, в Польше вышла моя «Энциклопедия русской души», в прессе появилось несколько солидных откликов, среди которых большая статья пожилого польского философа с совершенно адекватным разбором вещи. Меня это удивило: пожилой человек, которому явно чужда моя эстетика, разобрался в книге, оценил ее и все это описал.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 14

Нам сейчас необходима концентрация интеллектуального потенциала, сравнимая с концентрацией танков на Курской дуге

чезнуть, развалившись на гниющие куски.

– А что, по-вашему, продемонстрировал минувший год в социокультурной сфере?

– Архаичность нашего народа, который выказал инстинкты, свойственные архаичному деревенскому обществу. Такой народ любит власть, агрессию, окрик, власть мужчины над

этому все реформисты сошли с дистанции.

Еще одно странное явление: сочетание архаики с разгулом поппсы. Нечто подобное я видел в Африке, в Мексике, в Непале, но у нас есть очень существенная особенность – у нас исчез нравственный стержень. Получается уникальная вещь: архаика, не имеющая нравственного

– Это что-то вроде постмодернистского провисания объекта в пустоте?

– Постмодернистское провисание было бы лестным для России. Все гораздо страшнее, речь именно о моральном вакууме. У меня напрашивается сравнение не с постмодернизмом, а с взрывом вакуумной бомбы. У нас фактически не стало наро-